

● Поиск ученого

«Это удивительно хорошо...»

Неизвестное письмо М. Н. Ермоловой

В личном фонде замечательной воронежской писательницы Елизаветы Митрофановны Милицыной, хранящемся в Воронежском государственном архиве, сберегается маленькое письмо великой русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой. Никогда прежде, насколько удалось нам установить, оно полностью не публиковалось.

«Милая Панелка!

Передайте тому, кто дал Вам рукопись, что это удивительно хорошо. Но читать вслух этого нельзя, над этим можно только рыдать! Я, по крайней мере, не могу! Передайте, что, если у них устроится после святой концерт в пользу слепых солдат, я с удовольствием буду участвовать, если им понадобится.

М. ЕРМОЛОВА.»

Сравнительно легко и просто устанавливается время написания письма, но, к сожалению, не дата. О нем говорит такая фраза из письма: «концерт в пользу слепых солдат», то есть солдат, потерявших зрение на фронтах империалистической войны. Но война, известно, тянулась четыре года. Поэтому Е. М. Милицына под письмом сделала весьма ценную для нас уточняющую пометку карандашом — «1916 г.». Следовательно, год написания письма известен точно. Однако хронологические рамки написания письма еще можно сузить. В письме говорится об устройстве концерта для слепых солдат после «святой недели», которая, по церковному календарю, бывает в апреле или мае. Отсюда следует, что публикуемое письмо написано М. Н. Ермоловой в мае или апреле 1916 года.

Главный смысловой «стержень» письма М. Н. Ермоловой — какая-то рукопись. Именно она побудила актрису взяться за перо. Но чью и какую именно рукопись читала актриса?

Чтобы выяснить это, пришлось выполнить небольшое, но довольно трудоемкое исследование. Анализ содержания письма М. Н. Ермоловой, хранение его в личных бумагах Е. М. Милицыной, сделанные писательницей пометки на письме, убеждают прежде всего в том, что в письме актрисы речь идет о милицynской рукописи. И далее. Устанавливая и сопоставляя связи между фактами, датами и именами, зафиксированными в письме М. Н. Ермоловой, а особенно, в документах, автобиографиях и других материалах Е. М. Милицыной, приходишь к выводу, что актриса в письме передает свое впечатление о милицynской рукописи «Записки сестры милосердия», большом лирическом очерке.

В автобиографии Е. М. Милицыной есть такие строки: «В империалистическую войну писать не могла, работала в госпитале и написала только «Записки сестры милосердия», так как военная цензура была строга и выкинула половину «Записок», то в печать «Записок» не отдавала. Они были прочитаны только В. Качаловым в Москве в пользу слепых воинов».

До наших дней сохранился цензурный экземпляр машинописи «Записок сестры милосердия». На каждой его странице, по диагонали, поставлено по одному, а на некоторых страницах даже по два прямоугольных штампа «Разрешена военною цензурою», под каждым штампом — подпись синим цветным карандашом военного цензора. Почти на всех страницах имеются большие или меньшие куски текста, слова или фразы, запрещенные цензором, — они зачеркнуты тушью волнистыми линиями. В общей сложности цензурные вымарки составляют значительную часть текста. Под «Записками», на последней их странице, имеется личная подпись Е. М. Милицыной и заверительная пометка цензора: «Военный цензор Бржезинский. Москва. 28/IV-1916 г.».

В годы империалистической войны Е. М. Милицына добровольно работала сестрой милосердия в госпиталях Воронежа, в Москву, кажется, не выезжала. Да если и выезжала, все равно перед нами встает интересный вопрос: каким путем или через кого рукопись «Записок» могла попасть к В. И. Качалову? Ответить на него сейчас нет возможности. Зато есть основание предположить, что от В. И. Качалова после прочтения им «Записок» в пользу слепых воинов, они через третье лицо, названную в письме актрисы Панелку, оказались у М. Н. Ермоловой.

С первых строк «Записок» читатель видит прибывших в госпиталь раненых солдат.

«Лица простые. В них что-то безразличное к себе и к окружающему: припухшие носы, потрескавшиеся губы, темные желтоватые пятна на ввалившихся щеках...»

Перевалившее стерло с них все личное и дало общее выражение сурового, замкнутого покоя. Сидят, ждут, молчат. За них говорят костыли, перевязки, изорванные шинели с присохшей к ним кровью, словно молнией разрезанные шрапнелью рукава и полы».

Читая суровую милицynскую правду о войне, почти физически начинаешь ощущать, как проходят дни и недели в госпитале.

Но зажили раны. Новая обстановка, госпитальные знакомства и впечатления не прошли бесследно для солдат. По-прежнему им видится прошлое, другим представляется настоящее.

«В отношениях друг к другу, в новом освещении крестьянской жизни, в тонкости наблюдений, вдумчивости, чуткости — во всем чувствовался какой-то глубокий сдвиг, чувствовалось накопление новых неотразимых настроений, рожденных на кровавых полях, нарастание великой обиды, перед которой маленькими, бледными казались все прежние волновавшие чувства».

— Это не мужики, не господа, — думала я, — это новые люди, новой жизни, полные какого-то чуткого, вопрошающего ожидания...»

Именно это произведение Е. М. Милицыной читал великий В. И. Качалов, именно над ним рыдала великая М. Н. Ермолова.

Пока не установлено, кому адресовала свое письмо актриса. Нет сведений и о том, как оно попало в личные бумаги писательницы. Если же будут разгаданы эти загадки, то откроется возможность проследить связи между воронежской писательницей и московскими актерами, узнать те пути, по которым поступили «Записки сестры милосердия» к В. И. Качалову и М. Н. Ермоловой. В конечном счете будет заложено еще по одному пробелу в биографиях прекрасной русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой и замечательной воронежской писательницы Елизаветы Митрофановны Милицыной, видных представителей прогрессивной русской культуры.

А. ГАЙВОРОНСКИЙ,
кандидат
исторических наук.